

Он привел в порядок работу Цзи Цзюэ и плотнее укутался в плащ.

Было слишком холодно.

Сегодня за Цзи Цзюэ снова должен был прийти Цянь Эрлан.

Он усадил Цзян Юаня в повозку и задал тот же вопрос, что и после предыдущего экзамена:

— Как все прошло?

Цзян Юань ответил:

— Неплохо.

Сказав «неплохо», он нахмурился. Те две строки стихотворения, которые он добавил, вероятно, не понравятся императору.

Хотя, вероятно, и эссе Цзи Цзюэ тоже не понравится некоторым экзаменаторам.

В боковом зале Зала Фэнтянь эссе Цзи Цзюэ действительно выделили.

— Посмотрите на эту работу... — один из академиков Ханьлинь передал работу другому.

— Что с ней? — Тянь Чжо перехватил работу между ними.

— Это... Господин Тянь, эта работа слишком разрозненна, здесь столько красных кружков, это, вероятно, несправедливо?

— О? — Тянь Чжо просмотрел работу и усмехнулся. — Это же работа Цзи, который занял первое место на экзамене?

— Да, но почему-то по сравнению с экзаменом уровень упал, и вступление слишком резкое.

— Что вы имеете в виду? — Тянь Чжо притворился непонимающим.

— Посмотрите, то водные ресурсы, то соляно-железная реформа, потом вдруг переходит на вассальные государства, наговорил кучу всего, и нет единой темы.

Тянь Чжо сохранил улыбку:

— Если я не ошибаюсь, господин Се из знатного рода Се из Пинхэ?

Академик Се кивнул и добавил:

— Только из боковой ветви, ничего особенного.

Тянь Чжо больше не стал его слушать и перевел тему:

— Посмотрите на его стихотворение.

Академик Се снова перелистнул к концу работы, к стихотворению, которое император написал в порыве вдохновения.

— Смотря на запад из столицы, вижу этот мир, девять потоков Великой реки и девять горных хребтов. Солнце и луна... Ого!

— Как? — Тянь Чжо погладил свою бороду.

Академик Се в возбуждении трижды хлопнул по столу и только выдохнул:

— Отлично!

— Вот и оправдание для всех этих красных кружков, — равнодушно сказал Тянь Чжо.

— Но эссе...

Тянь Чжо уставился на академика Се с загадочной улыбкой, его узкие глаза, как у лисы, сверкнули.

Академик Се отвернулся.

— С тех пор как наш император основал систему экзаменов для отбора чиновников, слово «справедливость» все должно понимать, — Тянь Чжо улыбнулся. — К тому же, Его Величество задержался рядом с этим юношей надолго.

Кто-то не сдержал смешка.

Тянь Чжо посмотрел в ту сторону и увидел, что это был человек из фракции канцлера Чжэн.

Тянь Чжо позволил ему смеяться, ведь некоторые чиновники, увидев эту работу, сегодня не будут смеяться.

Другой молодой экзаменатор, быстро просматривая работы, усмехнулся:

— В любом случае, работы первых трех мест все равно пройдут через ваши руки, господин Тянь, и нет никого справедливее вас.

Говоривший был министром финансов Цуй Цинхэ, и Тянь Чжо, слегка уколотый его словами, улыбнулся:

— Господин Цуй, хотя и из знатной семьи, но умнее господина Се.

Академик Се снова хлопнул по столу, напоминая Тянь Чжо быть осторожнее.

Остальные, опустив глаза, не стали вникать в их перепалку.

Цуй Цинхэ продолжил:

— Юный Цзи обладает великим духом.

— Тан Ань тоже неплох, — добавил Тянь Чжо.

— Просто юный Цзи слишком молод, ему нужно сбить спесь, чтобы он научился терпению и не зазнавался, — Цуй Цинхэ, листая работу, опустив глаза, как будто мимоходом сказал.

— Господин Цуй прав, Тан Ань тоже слишком молод, — согласился Тянь Чжо. — Я всего на пару лет старше господина Цуй...

— Эх... — Цуй Цинхэ вздохнул, его длинные ресницы дрогнули, отбрасывая тень на лицо. Он положил работу и, подперев лицо руками, сказал:

— Почему господин Тянь не соответствует своему имени?

Тянь Чжо не стал его слушать.

Цуй Цинхэ снова глубоко вздохнул.

Тянь Чжо только сказал:

— Господин Цуй, напротив, соответствует своему имени.

Цуй Цинхэ быстро улыбнулся и снова взял работу.

Тянь Чжо повернулся к нему спиной и тоже начал просматривать работы.

На следующее утро Тянь Чжо и другие экзаменаторы отобрали около десятка лучших работ, среди которых были и Цзи Цзюэ, и Тан Ань — первые три места будут выбраны из них.

В литературе нет первого места, у каждого свои предпочтения, и никто не мог никого переубедить.

Тянь Чжо вытащил работы Цзи Цзюэ и Тан Аня, действуя решительно.

Он сохранил свою улыбку и сказал:

— Эти две работы, кажется, самые обсуждаемые. Я здесь их утверждаю, у господ есть возражения?

Цуй Цинхэ покачал головой.

Остальные тоже покачали головой.

Академик Ханьлинь Чжао Цы вытащил еще одну работу и сказал:

— Эта работа тоже хороша.

Тянь Чжо внимательно просмотрел ее и усмехнулся:

— Действительно хорошо, текст безупречен, содержание полезное, и цитаты использованы уместно.

— Фан Лан? — спросил он. — Это ученик великого учителя Лу?

— Его последний ученик, — кто-то ответил.

Тянь Чжо кивнул и положил эту работу вместе с работами Цзи Цзюэ и Тан Аня.

Все нужно делать постепенно, подумал он.

Если все пойдет хорошо, эти трое станут первыми тремя кандидатами этого года.

Тянь Чжо, Цуй Цинхэ и Чжао Цы предстали перед императором в Зале Вэньхуа и положили три работы перед ним.

Император небрежно листал их.

Когда он дошел до работы Цзи Цзюэ, он слегка выпрямился.

— Работа юного Цзи неплоха, — сказал он.

Тянь Чжо улыбнулся.

Неужели те, кто говорил, что эссе Цзи Цзюэ плохое, действительно не понимали или просто притворялись?

Эта работа затрагивала множество областей, и в ограниченном объеме невозможно было углубиться в каждую, поэтому она казалась немного сумбурной, как и говорил академик Чжао.

Но сказать, что в ней нет темы, было явной ложью.

Каждая область, которую затронул юный Цзи, была направлена против знатных семей. Например, соляно-железная реформа: до сих пор знатные семьи монополизируют пять десятых прибыли от соли и железа.

Это было то, что император не мог терпеть.

Вероятно, эти хитрецы просто притворялись, что не понимают — большинство из них были представителями знатных семей, и эти наследники знатных родов хотели подавить работу Цзи Цзюэ.

Цуй Цинхэ тоже высказался.

Тянь Чжо легонько отбил его слова и выдвинул работу Тан Аня, и Цуй Цинхэ отступил.

Тянь Чжо смотрел на императора.

Император закончил читать эссе Цзи Цзюэ и должен был увидеть стихотворение в конце.

— Смотря на запад из столицы, вижу этот мир, девять потоков Великой реки и девять горных хребтов. Солнце и луна проходят над плечами, а реки и горы всегда в руках?

Дойдя до последней строки, император непроизвольно повысил тон, превратив ее в вопрос.

— Первая строка стихотворения, эта строка лучше всех, — сказал Чжао Цы.

Император кивнул.

Цуй Цинхэ тоже добавил:

— Юный Цзи обладает великим духом.

Император сначала был поражен второй и третьей строками, что вызвало у него еще большее восхищение Цзи Цзюэ, но услышав слова Цуй Цинхэ о «великом духе», он слегка раздосадовался.

«Солнце и луна проходят над плечами, а реки и горы всегда в руках.»

Разве это мог написать пятнадцатилетний юноша из глубинки?

Цуй Цинхэ добавил:

— Эта строка юного Цзи, вероятно, гениальна. В юности я бы так не смог.

Его лицо было искренним, и казалось, что он действительно считал, что не смог бы.

Тянь Чжо едва слышно фыркнул.

Цуй Цинхэ слегка улыбнулся.

Император положил работу Цзи Цзюэ и взял работу Фан Лана, сказав:

— Я видел этого юного Цзи, он не из порядочных.

Тянь Чжо, Цуй Цинхэ: ...?

Где Его Величество видел юного Цзи? Что значит... не из порядочных?

Цуй Цинхэ на мгновение замер, затем засмеялся, смеясь, он посмотрел на Тянь Чжо.

— Ваше Величество, есть ли решение? — спросил Чжао Цы.

Император задумался на мгновение, взял работу Тан Аня и сказал:

— Он может быть первым.

Трое записали.

— Фан Лан? — император снова произнес имя Фан Лана и спросил:

— Это ученик учителя Лу?

Чжао Цы ответил утвердительно.

Император улыбнулся:

— Юный Цзи красив, я думаю, он идеально подходит на третье место.

Так и определились первые три места пятнадцатого года правления Тяньюань.

Они обменялись несколькими незначительными репликами, и когда Тянь Чжо и его спутники уже собирались уйти, император вдруг снова произнес стихотворение Цзи Цзюэ.

— Солнце и луна проходят над плечами, а реки и горы всегда в руках... Если бы кто-то из моих сыновей написал это, я бы сразу сделал его наследником, жаль.

Касаясь своих сыновей, все трое сохранили молчание.

Император с сожалением вздохнул и махнул рукой, отпуская их.

Как ни странно, за пятнадцать лет правления это был только второй раз, когда император лично занимался вопросами экзаменов.